

«Чужая душа потемки» (опыт истолкования семейного конфликта в «Кроткой» Ф. М. Достоевского)*

О. С. Соина, В. Ш. Сабиров

Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Российская Федерация, 630102, Новосибирск, ул. Кирова, 86

Для цитирования: Соина О. С., Сабиров В. Ш. «Чужая душа потемки» (опыт истолкования семейного конфликта в «Кроткой» Ф. М. Достоевского) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 1. С. 82–94.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.107>

Рассказ Ф. М. Достоевского «Кроткая», сюжетную основу которого составляет самоубийство молодой женщины, требует новой интерпретации, лишенной односторонности и моралистического отношения к персонажам и отвечающей замыслам писателя, видевшего в каждом из них острую внутреннюю духовную борьбу. Самоубийство произошло вследствие конфликта между мужем, закладчиком ростовщической конторы, и его юной женой. В основе его лежит борьба двух гордецов, имевших негативный опыт униженной и оскорбленной жизни и пытавшихся отстоять свое человеческое достоинство посредством... унижения ближнего. Нельзя при этом утверждать, что в муже и жене нет положительных черт, ибо «кроткая» целомудренна и честна перед собой, а ее муж оказался способен полюбить ее до глубины души, когда понял свои роковые ошибки, допущенные по отношению к ней (стремление пробудить в жене любовь к себе, демонстрируя при этом холодность и отчуждение вкупе с попытками менторской нравственно-педагогической дрессуры, которые основательно травмировали ее до состояния нравственно-психологического «надрыва»), глубоко пережил чувство вины перед ней и решился в корне изменить жизнь семьи, отказавшись от своего «позорного» ремесла и переменив место жительства. Однако «кроткая» не смогла оценить его духовно-нравственное перерождение и принять его из чувства ложного морализма и аберрации совести. Самоубийство любимой жены глубоко потрясло мужчину и, по замыслу писателя, в сознании героя, пережившего состояние абсолютного одиночества, наметился радикальный поворот в сторону высших духовных ценностей.

Ключевые слова: самоубийство, гордость, униженные и оскорбленные, бунт, «надрыв», любовь, морализм, аберрация совести.

Рассказ Ф. М. Достоевского «Кроткая» оказался превратно истолкованным: из-за жалости к погибшей «кроткой» ее муж, закладчик ростовщической конторы, воспринимается большинством исследователей как отрицательный персонаж. Эта тенденция, к сожалению, отнюдь не приближает нас к глубочайшим смыслам, которые заложены в данном произведении, раскрывающем великий драматизм от-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-90001/18.

ношений между мужским и женским восприятием жизни, существовавший во все времена и эпохи. С нашей точки зрения, именно сейчас, в эпоху необычайных разрывов и обострений в этих отношениях, возникает необходимость в новой интерпретации этого рассказа, более соответствующей творческому самоопределению писателя как «не психолога, но реалиста в высшем смысле этого слова» [1, с. 65]. Поскольку автор «Идиота» был протагонистом особого *духовного реализма* в литературе, афористически сформулированного одним из его героев: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» [2, с. 100], то именно в контексте этого творческого откровения Достоевского об истинном предназначении его писательского дара мы и попытаемся дать истолкование его художественному шедевру.

Борьба двух униженных и оскорбленных гордецов

Если судить по названию, то главный герой рассказа — это «кроткая», поскольку ее неожиданное самоубийство и есть главная тема произведения. Однако рассказ ведется от лица ее овдовевшего мужа, в ком роковой поступок жены вызвал необыкновенно экспрессивную рефлексию, в которой яростное самооправдание и жесточайшая самокритика взаимно переходят друг в друга, будто потоки различных вод, ввергающиеся в один стремительный водоворот безысходной человеческой трагедии. И коль скоро это так, то на роль главного героя претендует уже хозяин ростовщической конторы. Однако и это едва ли является правильным, поскольку здесь речь идет не столько о физических персонажах произведения, сколько о глубочайших духовно-нравственных феноменах, скрытых в глубинах их несчастных душ. С нашей точки зрения, главными персонажами произведения великого писателя являются два униженных и оскорбленных человеческих достоинства, пытающихся отстоять себя... опять-таки посредством унижения и оскорбления друг друга.

«Кроткая» — юная девушка, рано осиротевшая и практически лишенная средств к существованию, живущая на правах приживалки у своих тетюшек, настроенных к ней грубо потребительски и зачастую третирующих ее без всяких на то оснований. Будучи дочерью личного дворянина и потому человеком с неясным сословным положением, девушка тяжело переживает свою зависимость от чужих людей и особенно свою бедность. Ее визиты в ссудную кассу, хозяином которой был ее будущий муж, со временем стали для нее чрезвычайно мучительными, потому что, несмотря на эмпирическую и моральную тяжесть жизни и постоянные унижения окружающих, девушка обладала крайне непростым характером, где острое чувство собственного достоинства и своеобразная гордость униженных парадоксальным образом дополнялись попытками бунта. Более того, несмотря на всю тяжесть своего положения, она, несомненно, сохранила в себе способность к моральному выбору, не позволяющему ей опуститься до положения Сони Мармеладовой, а значит, целомудрие и чистоту души.

В муже своем она встретила существо совсем иной природы и совершенно других житейских наклонностей: бывшего офицера, уволившегося со службы из-за нежелания участвовать в дуэли и по кодексу офицерской чести безвозвратно опозорившего свою репутацию в глазах сослуживцев; бедствовавшего некоторое время и чуть ли не побировавшегося на улицах столичного города; а затем получившего

небольшое наследство, благодаря которому он стал хозяином ростовщической конторы, т. е. оказался на сомнительном для дворянина социальном поприще. Однако, пережитые унижения и оскорбления также не сломали его человеческое достоинство и своеобразную гордость долго и несправедливо бедствовавшего человека и, что самое удивительное, не позволили ему окончательно очерстветь душой. Так, он не только пожалел «кроткую», увидев в ней некий женский аналог своей собственной судьбы, но и качественно улучшил ее имущественное положение, женившись на ней без всякого приданого и, следовательно, сделав хозяйкой своего дома. Однако, увлеченный своим благородством и проснувшимся чувством к обездоленной жизнью девушке, он и сам не заметил, как совершил две роковые ошибки, со временем приведшие их брак к трагическому финалу. В частности, он не придал должного значения одной ярко выраженной черте в характере своей будущей жены, о которой его предупреждала ее служанка Лукерья: «Бог вам заплатит, сударь, что нашу барышню милую берете, только вы ей это не говорите, она гордая» [3, с. 12]. Далее, казалось бы, шутливо аттестовав себя будущей жене в качестве Мефистофеля, делающего зло в интересах предполагаемого будущего блага, он благородно внешне, но с некоторым деспотическим подтекстом начал постепенно и неуклонно ломать гордую и чистую душу своей жены, заставляя ее полюбить и признать человека в презренном ростовщике, утаив при этом от нее все то чистое, благородное и душевно незапятнанное, что, несомненно, хранилось в нем в скрытом виде.

Так, первые восторги любви молодой жены были им неожиданно быстро и хладнокровно пресечены; и вместо ожидаемого медового месяца вдруг возникла холодная и рациональная проза жизни со скупой отмеряемыми расходами на потребительские нужды молодой семьи, расчетливой размеренностью быта и привычек, а главное — с усаживанием молодой и чуткой женщины за ссудную кассу, т. е. почти принудительным ее вовлечением в весьма сомнительное ремесло мужа.

Результаты этого излишне сурового воспитательного эксперимента над молодой и гордой душой не замедлили сказаться самым чудовищным образом. Попытавшись убить своего мучителя, а затем внезапно осознав, что он понял ее намерение (и потому, следовательно, отнюдь не трус), она, не выдержав такого нравственного испытания, внезапно заболевает нервной горячкой, во время которой доселе гордый и рациональный муж внезапно осознает, что любит свою жену самой искренней и нежной любовью и уж, разумеется, готов простить ей решительно все: и «бунт» против выдуманной им системы воспитания, и слежку за ним, и встречу с некогда оскорбившим его человеком, и даже предательскую попытку убить его.

Надо заметить, однако, что с окончательным «прощением» «кроткой» и возвращением ее в положение супруги и хозяйки муж промедлил самым фатальным образом, пока вдруг не обнаружил, что она приучилась жить так, как будто его вообще не существует на свете. И это странное открытие знаменательно (как это почти всегда бывает у Достоевского!) исключительной экзистенциальной достоверностью: «кроткая» внезапно запела слабым и надорванным голоском, как запертая в клетке птичка; и тут-то доселе гордый «маленький Наполеон», ростовщик и приобретатель, рационалист и «теоретик-воспитатель» вдруг почувствовал, что вся его выстраданная любовь может навеки оказаться безответной: «Поет, и при мне! *Забыла она про меня, что ли?*» [3, с. 27].

Пение «кроткой» вызвало в закладчике духовно-нравственный шок, открывший ему правду жизни: «Падала, падала с глаз пелена!» [3, с. 27]. Решив разом поврать со своим ремеслом, он вдруг понял, что прежде всего ему надо заняться подорванным здоровьем молодой жены, на которое уже решил не жалеть никаких денег, скопленных с таким трудом и унижением: «Я все ей говорил, что повезу ее в Булонь, купаться в море, теперь, сейчас. Через две недели, что у нее такой надтреснутый голосок... что начнется все новое, а главное, в Булонь, в Булонь!» [3, с. 28]. При этом он как бы напрочь «забыл» о том, что между ним и «кроткой» существует целая пропасть непрощенных обид, слез и недоумений, и то ли по своеволию, то ли по своеобразному горделивому экстазу «преображенной» любовью натуры решил вдруг разом, без подготовки жены к новым обстоятельствам их совместной жизни обрушиться на нее с безудержным потоком чувств и почти нескрываемой мужской страстностью: «Она смотрела на меня большими глазами. Эта строгость, это строгое удивление разом так и разможжили меня: “Так тебе еще любви? любви?” — как будто спросилось вдруг в этом удивлении, хоть она и молчала. Но я все прочел, все. Все во мне сотряслось, и я так и рухнул к ногам ее» [3, с. 28]. При этом в душе его родилось понимание, что ему не столько важны ее любовь и уважение к нему, которых он ранее добивался весьма странными и изощренными способами, сколько именно она сама, такая, какая она есть, без всяких переделок ее воли и сознания.

И вот преобразенный и очистившийся в своих намерениях закладчик наблюдает поистине роковое событие: самоубийство молодой женщины, выбросившейся из окна его дома с иконой Богородицы в руках... как раз в тот момент, когда он, окрыленный и счастливый, возвращался домой с паспортами для их заграничного путешествия.

Попытаемся вновь задаться вопросом: так что же такое экзистенциально непереносимое для супругов было в их отношениях, что оно в равной степени оказалось неприемлемым для них обоих? Да и вообще: какова духовно-нравственная семантика отношений этих сложных человеческих типов, мужчины и женщины, обреченных сосуществовать вместе и при этом явно не могущих вынести эту совместную жизнь лично и социально приемлемым образом?

На наш взгляд, если внимательно вчитаться в рассказ Ф. М. Достоевского, то становится очевидным, что драматургически он построен на экзистенциально-напряженной борьбе между зрелым мужчиной и юной девушкой, неожиданно ставшими мужем и женой. Однако писатель изобразил здесь все-таки два разных вида борьбы в чем-то одинаковых и даже внутренне похожих людей. Нет сомнения в том, что, если в первой части рассказа закладчик борется за сердце «кроткой», желает пробудить в ней ответную любовь к себе, ничуть не желая при этом меняться лично и даже отчасти гордясь своим мнимым «совершенством», то во второй части произведения он борется только за право любить ее уже без всяких условий. «Кроткая» же, напротив, борется сначала за свою независимость в презирающем ее семействе теток, а в замужестве — за свое женское достоинство и свою оскорбленную странным поведением мужа молодую любовь, не встретившую в нем разделенного ответного чувства и лишь возобновившую в ней уже начавшую затухать озлобленную гордость, принявшую, в свою очередь, уже почти inferнальные формы презрения и ненависти к супругу.

Духовная драма мужа: «маленький Наполеон» и «естествоиспытатель»

Психология поведения мужа «кроткой» является весьма многослойной, как и у всякого человека, в котором рациональное начало стало преобладать вследствие многочисленных несчастий и унижений, обрушившихся на него после разрушения достойного социального положения. Он вынужден выживать в почти экстремальных для дворянина жизненных условиях: «Я и на Сенной в доме Вяземского ночевывал. Да, правда; в моей жизни было потом, после полка, много позора и падения, но не нравственного падения, потому что я сам же первый ненавидел мои поступки даже тогда. Это было лишь падение воли моей и ума и было вызвано лишь отчаянием моего положения» [3, с. 19]. Затем, после получения небольшого наследства, он совершил в глазах своего прежнего респектабельного окружения крайне постыдный поступок: начал давать деньги в рост под заклад вещей и ценностей.

По словам мужа «кроткой», занимаясь подобным «постыдным» для дворянина ремеслом, он имел вполне определенные, твердо поставленные жизненные цели, в том числе и в отношении к молодой жене.

Так, во-первых, как повествует сам закладчик, он решил изобразить из себя некую таинственную жизненную загадку, отвечая на все порывы любви и ласки к нему молодой супруги многозначительным молчанием, чем сразу и безоговорочно остудил весь ее любовный пыл. «Вот именно потому, что я не половинщик в счастье, а всего захотел (т. е. не просто ответной любви, но любви к человеку с недостатками, с сомнительным прошлым и настоящим. — О. С., В. С.), — именно потому я и вынужден был так поступить тогда: “Дескать, сама догадайся и оцени!” Потому что, согласитесь, ведь если б я сам начал ей объяснять и подсказывать, влиять и уважения просить, — так ведь я все равно что просил бы милостыни...» [3, с. 14]. Здесь в поведении главного героя мы, несомненно, сталкиваемся с особым проявлением извращенной гордости человека, слишком долго бывшего несчастным и одиноким, и потому возымевшего совершенно неоправданную претензию поставить свою молодую жену в положение... особого благоговения перед некогда испытанными им унижениями, принудив ее, таким образом, уже не столько к любви, а к какому-то чрезмерному восхищению неизъяснимым благородством души своего мужа и покровителя.

Во-вторых, осознавая себя хозяином денежного предприятия и старшим по возрасту, он решил, что крайне пристрастное отношение к своей юной жене есть наиболее подходящая стратегия, сообразная их жизненному положению, дабы не избаловать и не развратить свою спутницу жизни, приучив ее к излишней легкости существования, в особенности же касательно расходования денег. Здесь несомненно была своя особая житейская логика, ибо затаенной мечтой закладчика являлось накопление определенной суммы денег для того, чтобы, бросив постыдное поприще, уехать куда-нибудь в Крым, построить там дом и обрести наконец все атрибуты достойной семейной жизни с любимой женщиной, а также с возможными и желанными детьми.

В-третьих, его поведение, по-видимому, объясняется и следующим духовно-нравственным моментом: будучи (как бы мы выразились сегодня) презирающим себя и свое новое социальное положение убежденным социопатом, он тем не менее

страстно желал восстановить свое человеческое достоинство и все свои утраченные в глазах общества социальные качества, хотя бы в сознании любимой им женщины. Именно этот экстагический максимализм до сих пор предельно несчастного человека побуждает мужа воспринимать нарождающиеся к нему любовные чувства юной жены в высшей степени критически, ибо он видит в них выражение всего лишь благодарности, но никоим образом не любви. Не об этом ли свидетельствуют следующие его слова: «А я хотел широкости, я хотел привить широкость прямо к сердцу, привить к сердечному взгляду, не так ли?.. Я хотел, чтоб она узнала сама, без меня, но уже не по рассказам подлецов, а чтобы *сама догадалась* об этом человеке и постигла его! Принимая ее в дом, я хотел полного уважения. Я хотел, чтоб она стояла предо мной в мольбе за мои страдания — и я стоил того. О, я всегда был горд, я всегда хотел или всего или ничего» [3, с. 14]. Разумеется, в этих упованиях закладчика, помимо предельно уязвленного самолюбия, ощущается и плохо скрытый романтизм наполеонической натуры, окрашенный в почти шекспировские тона и настроения: «Она меня за муки полюбила, а я ее — за сострадание к ним» [4, с. 21].

Далее, как мы уже отмечали выше, «кроткая», несмотря на свое зависимое положение в чужой семье и откровенную убогость существования, в нравственном отношении парадоксальным образом ощущала себя выше своего будущего мужа, пока всего лишь закладчика. Эта ее безоглядная и наивная самоуверенность отчасти поколебалась после первого разговора с ним, показавшего ей его эрудицию и ум, не лишенный некоторой оригинальности. При этом после непродолжительных, но и не поверхностных колебаний она все же решилась выйти замуж за ростовщика, доверив ему свою судьбу, и, видимо, внутренне была готова даже искренне его полюбить. Однако все ее «наивные» порывы вызвали в нем решительное отторжение, а в ней — глубокий экзистенциальный бунт со всеми его негативными жизненными последствиями. В результате вместо ожидаемого закладчиком постепенного узнавания ею его человеческой сущности и ответной любви в «кроткой» возникло осознание глубочайшего разрыва всей ее женственной природы с оскорбившим и унизившим ее человеческое существо мужчиной; причем это ощущение духовного неприятия его было столь сильным и трагическим, что его не смогла преодолеть (а быть может, особым образом и усилила!) внезапно проявившаяся к ней любовь закладчика, которую она уже в полном помутнении прежде кипевшего в ней молодой силой любовного чувства восприняла как очередное оскорбление себя. «Кроткая» решается на самоубийство, как раз после искренних извинений и раскаяния мужа, его признаний в любви к ней, а также безоговорочной готовности к изменению жизни...

Поэтому все, совершенное молодой женщиной после того, как муж выразил готовность полностью взять на себя ответственность за ее судьбу, вынуждает нас задуматься над вопросом: какова же тогда логика развития характера и отношения к мужу самой «кроткой»?

Нравственно-психологический «надрыв»

Прежде всего необходимо подчеркнуть существенную разницу в возрасте между «кроткой» и закладчиком, что не могло не отразиться на отношениях между

ними. Он, во-первых, значительно дольше ждал своего счастья, и в его жизни было какое-то существенное разнообразие. Она же была еще очень юна следовательно знала о жизни весьма немногое и, рано оставшись сиротой, видела в ней одни только лишения. Во-вторых, здесь нельзя не заметить и еще одного важного и парадоксального момента ее духовной жизни: к сожалению, подростки и юные люди обоого пола гораздо более способны на радикальные поступки, включая и суицид, нежели представители старших поколений, поскольку они часто мыслят и воспринимают смерть как некий особый аргумент в свою пользу в случае конфликта с близкими людьми (нечто вроде хлопка дверью предельно рассерженного человека), а не как абсолютный конец физического существования, обрывающий все связи с ними самым тотальным образом.

Итак, если поведение закладчика можно еще как-то уложить в некую логически связную цепь поступков, то жизнь и поведение «кроткой» разворачиваются, если можно так выразиться, по гораздо более сложной жизненной схеме. Что же такое таинственное и непостижимое происходило во внутреннем мире «кроткой», что вопреки всем новым, казалось бы, благоприятным обстоятельствам ее жизни внезапно подтолкнуло ее к трагическому финалу?

Нам представляется, что ответ на все эти вопросы одновременно и прост, и до чрезвычайности сложен, если иметь в виду многократно описанный Ф.М. Достоевским духовный и нравственно-психологический феномен «надрыва», почти не замеченный исследователями его творчества.

Чем же является этот знаменитый «надрыв» и почему разрешение его в жизни нередко заканчивается столь трагично?

Во-первых, «надрыв» как сложнейшее духовно-душевное состояние скрывает в своих основаниях некую большую и неизжитую *обиду*, нанесенную герою Достоевского либо крайне неблагоприятными обстоятельствами жизни, либо людьми, на которых человек некогда полагался абсолютно и безусловно, либо и теми и другими в совокупности. Поэтому все эти некогда невинные и чистые сердцем Настасьи Филипповны, Подростки, Грушеньки, капитаны Снегиревы и, наконец, «кроткие» настолько свыклись с пережитой ими некогда болью, что как бы начинают считать ее за нечто вполне естественное, почти как знамение судьбы или нечто вроде дара свыше, от которого совершенно невозможно избавиться естественными человеческими способами (во всяком случае, они явно находятся вне жизненных возможностей индивида), но к чему они все-таки вправе отнести особым образом, «взорвав» всякие представления добропорядочных людей о «приличном» и социально приемлемом. Поэтому «надрыв» как своеобразное внутреннее изживание обиды и парадоксальное примирение человека с самим собой и с миром неизбежно предполагает совершение им некоего из ряда вон выходящего поступка, разом взрывающего все привычные устои мира (бросание денег Рогожина в камин Настасьей Филипповной, знаменитая выходка Грушеньки перед Катериной Ивановной, «фокус-покус» капитана Снегирева или парадоксальное самоубийство «кроткой») и восстанавливающее в обиженном его помятое человеческое достоинство любой ценой.

Во-вторых, чем возвышеннее и благороднее, на первый взгляд, ведут себя окружающие обиженного люди (предлагают ему помощь и деньги, пытаются устроить его судьбу, как правило согласно своим представлениям и не глядяываясь при этом

в его внутреннее состояние, или, как в случае с мужем «кроткой», навязывая человеку, до глубины души истерзанному прошлыми и настоящими обидами, свою внезапно проявившуюся любовь), тем сильнее и болезненнее пробуждается в нем нравственный протест против такого рода «опеки», ибо вновь надрывая свою душу до края, он как бы раз и навсегда пытается доказать своим благодетелям, что он «тоже человек» и у него есть свое суверенное внутреннее пространство, свой сокровенный духовный мир, куда никто даже и не пытается толком заглянуть, а лишь примитивно и совершенно «без разбора» пытается «замазать» неизжитые обиды некими новыми благодеяниями. Более того, сама таинственная драматургия «надрыва» позволяет нам допустить, что эти «благодеяния» как раз и воспринимаются носителем «надрыва» как очередная, иногда уже непростительная обида, которую теперь уже совершенно невозможно пережить, — разве что преподнеся обидчику такой страшный «фокус-покус», от которого содрогнется его душа и разом разрушится все его доселе благополучное существование.

Трагедия непонимания

Попытаемся вновь задаться вопросом: почему же жизнь супругов пришла к такому ужасному финалу и как могло случиться, что муж не заметил «надрыва», происшедшего в душе его молодой жены, а она, в свою очередь, не увидела в нем всего лишь «оскорбленного и униженного» человека, точно так же, как и она, нуждающегося в сострадании и понимании?

По-видимому, каждый внимательный читатель рассказа Достоевского рано или поздно не может не прийти к заключению, что истинной трагедией этого неудачного брака является ничто иное как... нарастающее с каждым моментом их совместного проживания абсолютное непонимание супругами как особенностей характеров и личностного устройства друг друга, так и раздирающей сознание каждого из них духовной драмы, ибо каждый из ее участников на свою беду предпочитает *страдать молча* и никоим образом не открывать другому терзающие его переживания. Именно в силу этой трагически избранной ими обоими *стратегии умолчания* касательно непрерывно терзающих их болей и обид страшный исход их житейской драмы становится почти предрешенным. Однако степень вины за произошедшее у каждого из ее участников не может быть исчислена сугубо количественным способом. Здесь в действительности виноваты оба супруга, правда наполнение их переживаний и вклад каждого в общую копилку взаимных бед и потрясений будет качественно разным.

Как подчеркивает сам писатель, объединяющим мотивом сближения зрелого мужчины и юной девушки, который они, возможно, и сами не осознают в полной мере, является... *гордость*, тщательно скрываемая от окружающих гордость «оскорбленных и униженных», чье человеческое достоинство попирается всеми и каждым постоянно и систематически как бы с полным жизненным правом на такое «положение вещей» и без малейшей оглядки на внутреннее состояние униженных. Глубоко затаенная внутри, эта особая гордость несчастных, как правило, может прорваться наружу и заявить о себе перед окружающими самыми разными способами. Тут может быть и тщательно лелеемое мужем «кроткой» желание социального реванша над своими обидчиками, совершаемое внешне холодно и расчет-

ливо, а внутренне — со всей той же скрытой болью униженного человека, которая, кстати сказать, и дала ему возможность почувствовать подобное же уничтожение «кроткой». Или, наоборот, тщательно скрываемая гордость оскорбленного существа может, как в случае с самой «кроткой», проявиться во внезапном аффекте «бунта» против бесконечно унижающих ее обстоятельств жизни, которые она в безудержном ослеплении гордыни разом приписала также своему мужу и спасителю. Словом, в трагическом противостоянии мужа-закладчика, дважды униженного и своим несчастным прошлым, и своим настоящим презренным ремеслом, и «кроткой», вынужденной жить у своих теток на положении жалкой приживалки и затем выйти замуж за человека, обремененного совершенно непонятным ей характером и странными привычками, встретились и оказались обреченными существовать бок о бок две не прощающие никого и ничего гордыни, мужская и женская, вина которых во всем произошедшем с ними, несмотря на общность исходной предпосылки, все-таки представлена писателем крайне своеобразно, причем с учетом гендерных особенностей персонажей.

Так, во-первых, несомненной виной мужа «кроткой», допущенной им в отношении своей супруги, являлось своевольное и крайне себялюбивое игнорирование инстинктивных порывов ее юной и женственной природы. Молодая жена от всей души желала любить и быть любимой: «Ведь бросалась же она ко мне и тогда на шею. Любила. Значит, вернее — желала любить» [3, с. 16]. Мужу же, строго придерживающемуся романтизированной идеи «маленького Наполеона», чья судьба исполнена тайны и загадки, показалось чрезвычайно важным осуществить над женой некий нравственно-психологический эксперимент: сначала выдержать ее в крайней «строгости», не допускающей никаких внезапных проявлений «чувств» и уж тем более эмоциональных порывов и откровений на любовную тему с обеих сторон, а затем, постепенно ослабляя эту душевную «удавку», приучить жену возлюбить его в свете придуманного им же самим фальшивого образа самого себя — гордого, с вечно иронической улыбкой на челе и с особым таинственным предназначением в этом мире, о котором несчастная жена просто обязана была «догадаться».

Во-вторых, будучи все-таки человеком чутким и не лишенным наблюдательности, он не мог не заметить, что производимый им эксперимент над натурой его молодой супруги со временем начал приводить их семейную жизнь к явно дурным результатам. Так, сначала на лице «кроткой» он заметил ироническую усмешку над многими его житейскими поползновениями, однако не придал этому особого значения, наоборот, лишь усилил «строгость». Затем он не мог не увидеть, как эта насильственная душевная дрессировка спровоцировала у нее проявления «бунта»: в виде отказа от безусловного подчинения в коммерческих инициативах супруга, выяснения его прошлого и, наконец, экстатического стремления прямо и просто избавиться от своего «мучителя», пусть даже ценой своей изломанной судьбы, которую «кроткая» в полном смятении своей души уже не ставит решительно ни во что.

В-третьих, постигнув, что своими воспитательными порывами он явно довел жену до крайности, разрешившейся тяжелой нервной болезнью, муж вместо того, чтобы вызвать ее на разговор, исповедаться перед ней в своих «воспитательных» ошибках, сначала приговаривает ее к лишению статуса супруги и хозяйки дома, а затем вдруг внезапно обнаруживает, что все его эксперименты над нею окончил-

лись тем, что он превратился для нее в полное «ничто»: как муж и любимый мужчина полностью утратил для нее всякое жизненное значение. Осознав наконец этот чудовищный «воспитательный» крах, супруг изо всех сил пытается загладить свою безмерную вину перед «кроткой» весьма прямолинейным способом, на основании душевного порыва. Чисто по-русски, без подготовки и каких-либо внутренних «экивоков» он разом пытается перескочить (а заодно и перетащить ее за собою) из состояния мрака и отчаяния в область немислимого блаженства, посулив ей полное перерождение их жизни, сразу и безусловно — отказ от поприща ростовщика, счастливое пребывание за границей, массу житейских радостей, а главное — полноценную и страстную мужскую любовь, доселе прикрываемую расчетливо придуманным экспериментом.

И разумеется, что нет ничего удивительного в том, что гордая, целомудренная и очень честная в своих мечтах и порывах натура «кроткой» именно этого внезапно обрушившегося на нее обещания полного супружеского «счастья» как раз и не смогла вынести. Смутно провидя в порыве мужа очередной иезуитский эксперимент над своей женской природой, одновременно веря и не веря ему, она хочет и вместе с тем не может обрести обещанное мужем счастье, ибо в глубине души она настолько же сомневается в нем, насколько считает себя отчасти недостойной его. И здесь перед нами со всей неотразимостью встает и собственная вина «кроткой» перед своим странным мужем, недаром говорившем о ней: «...она была тиран, нестерпимый тиран души моей и мучитель» [3, с. 16].

Но в чем же эта вина состоит, и как следует к ней относиться?

Так, во-первых, войдя в дом своего мужа в качестве супруги и хозяйки и на первых порах «бросившись» к нему со своей молодой любовью, которую тот отверг совершенно рационально и хладнокровно, имея в отношении своей жены некий высший замысел, «кроткая» вновь начинает переживать острейший аффект обиды, уже некогда испытанный ею во время проживания у постоянно издевавшихся над нею родственников. Только на этот раз вся ее обида обрушивается на человека, спасшего ее от жалчайшей участи содержанки у обнаглевшего и кичившегося своим богатством купца. И надо сказать, что в этой обиде на своего мужа и спасителя «кроткая» ведет себя в высшей степени легкомысленно и неблагородно, разом забывая все то добро, что было сделано для нее супругом: и изготовленное им для нее «приданое»; и новую сытую и обеспеченную жизнь под опекой зрелого и уверенного в себе мужа; и, наконец, устойчивое положение в обществе, положение супруги и хозяйки, которое она, несмотря на то что ремесло ее супруга было многими презираемо, не могла не считать более-менее сносным. Однако, как это легко «вычитывается» из текста произведения Достоевского, именно этот аффект обиды человека с подростковым, инфантильным сознанием (опять-таки мною пренебрегли, дескать!) очень быстро перерастает у «кроткой» в самые безобразные формы неблагодарности к некогда еще близкому ей человеку, причем неблагодарности крайне циничной, выражающейся, в частности, в том, что она принимается следить за своим мужем, выведывать его прошлое у некогда оскорбивших его людей, — словом, ведет себя крайне отталкивающим в нравственном плане образом, ибо следить, подозревать и порываться скомпрометировать сделавшего для нее добро человека, причем явно не требующего за него никакой особенной «оплаты», — что может быть морально постыднее и духовно вредоноснее?

Во-вторых, когда она, так сказать, «наглядно» убеждается, что столь ненавидимый ею муж в действительности есть гораздо более достойный человек, чем представляли его недавние обвинители, глубоко сидящая в ней обида внезапно разрешается не исповедью и покаянием перед человеком, которого она незаслуженно оскорбила (что, безусловно, восстановило бы и укрепило их отношения), а новым еще более острым пароксизмом ненависти к нему («Что же это как не горделивый вызов от виноватого к судьбе?» [5, с. 24], — говорит архиерей Тихон в «Бесах» пришедшему к нему исповедаться Ставрогину), который чуть было (опять-таки благодаря терпению и выдержке мужа) не окончился страшным преступлением — убийством. Надо сказать, что именно эти муки отчасти придуманной ею обиды, усиленные острейшими припадками неутоленной гордости и, по-видимому, тайными мучениями совести, не могли не разрешиться страшной нервной болезнью, осложненной еще и тем, что ее супруг, так же, как и она, переживающий и обиду, и приступы уязвленного самолюбия, разом лишает ее статуса жены и хозяйки, возвращая тем самым в прежнее униженное состояние.

И наконец, в-третьих, когда муж сумел преодолеть обиду, гордость, чувство оскорбленного мужского достоинства и вновь возжелал воссоздать для них обоих новое, свободное и счастливое существование, в душе «кроткой» возникает странный процесс превращения внешне благородных чувств и переживаний в свою полную противоположность, который и приводит к катастрофическому окончанию их брака. Так, она вдруг внезапно осознает, что не может ответить как женщина и как жена на проснувшиеся в муже законные и освященные браком супружеские чувства; и потому жить с уже нелюбимым человеком и опять-таки принимать от него благоденствия оказывается для нее, сознающей себя предельно честной и искренней, чем-то вроде узаконенной проституции; и потому она уже в совершенной аберрации совести предпочитает самоубийство такому, на ее взгляд, полному нравственному падению. Далее, чувствуя себя виновной перед своим мужем и все-таки в озлоблении гордости никак не желая облегчить перед ним свою совесть, она решается на своего рода новую месть ему, предпринимаемую как «надрыв», т. е. как духовно-нравственное уничтожение и самое себя, и всего самого святого в этом мире. Именно поэтому, вновь совершая страшный «вызов от виноватого к судьбе», она выбрасывается из окна с иконой Богородицы в руках (!), даже и не догадываясь о том, насколько кощунственным стал этот ее поступок как по отношению к высшим силам, так и касательно всей истории ее жизни с мужем, который уже, любя ее безраздельно и безвозвратно, попадает вдруг в самый что ни на есть безысходный и окончательный жизненный ад.

Надо сказать, что полная духовно-нравственная аберрация чувств, представлений и понятий, патологическим образом угнездившаяся в душе несчастной «кроткой», именно в сцене самоубийства действительно достигает своего апогея. Презрев, опять-таки в пароксизме гордости и ложной «честности» перед собой и перед мужем его законное супружеское чувство, она вдруг начинает ощущать себя ни много ни мало оскорбленной *самой жизнью* («Мир Божий не для меня» [6, с. 275], — пишет Достоевский в черновых набросках к рассказу «Кроткая»), а раз так, значит, этот мир, равно как и поддерживающие и созидающие его высшие силы, должен отправиться вместе с гибнущим сознанием «кроткой» в тартарары как ужасающий и вместе с тем закономернейший конец абсолютно потерявшегося

и утратившего всякий смысл и предназначение своей жизни человека. В этом плане «кроткая» предстает как некий женский аналог Ивана Карамазова, не принявшего мира, созданного Богом, и, таким образом, также совершает уже тяжкий смертный грех — хулу на Духа Святого.

Таким образом, как мы пытались показать в данной статье, в акте суицида молодой женщины из рассказа Ф. М. Достоевского «Кроткая» виновен не один только ее муж, согласно сложившейся в достоевсковедении традиции. В основе трагического конфликта мужа и жены фактически виновны оба супруга, каждый из которых несет свою меру ответственности за постигшую их жизненную катастрофу. История, рассказанная великим писателем, остается вечно актуальной, пока сохраняется не только институт семьи, но вообще люди, которым становится все труднее и труднее понимать друг друга, это произведение не перестанет привлекать к себе внимание читателей и исследователей творчества Ф. М. Достоевского.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Из записной тетради 1880–1881 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 42–87.
2. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
3. Достоевский Ф. М. Кроткая. Фантастический рассказ // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 5–35.
4. Шекспир В. Отелло. Венецианский мавр / пер. П. Вейнберга. СПб.: Кристалл, 2001. 212 с.
5. Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 11. 416 с.
6. Достоевский Ф. М. Записная тетрадь 1876–1877 гг. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1982. Т. 24. С. 187–314.

Статья поступила в редакцию 2 июля 2019 г.;
рекомендована в печать 11 декабря 2019 г.

Контактная информация:

Соина Ольга Сергеевна — д-р филос. наук, проф.; sabirov-soina@211.ru
Сабиров Владимир Шакирович — д-р филос. наук, проф.; sabirov-soina@211.ru

“Another soul is a closed book” (experience of family conflict interpretation in the F. M. Dostoevsky’s story “The Meek One”)

O. S. Soina, V. Sh. Sabirov

Siberian State University of Telecommunications and Informatics,
86, ul. Kirova, Novosibirsk, 630102, Russian Federation

For citation: Soina O. S., Sabirov V. Sh. “Another soul is a closed book” (experience of family conflict interpretation in the F. M. Dostoevsky’s story “The Meek One”). *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 1, pp. 82–94.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.107> (In Russian)

F. M. Dostoevsky’s story “The Meek One,” whose plot consists of the suicide of a young woman, requires a new interpretation without one-sidedness and a moralistic attitude towards the

characters and relative to the writer's intentions, who saw the keen internal spiritual struggle in every hero. The suicide occurred due to a conflict between a husband, pawnbroker in a usurious company, and his young wife. The core of the conflict is the struggle of two arrogant people having the negative experience of an abused and degraded life and trying to defend their human dignity by abusing... their significant other. We cannot claim that the husband and wife do not have positive features, because the wife is "meek" and virtuous as well as honest towards herself and her husband turned out to be able to love her to the bottom of his heart after recognizing his fatal mistakes in relation to her (the aspiration to love himself, demonstrating coldness and disengagement together with the attempts of a bossy moral-pedagogical training which ultimately mentally harmed and resulted in her becoming a moral-psychological "emotional wreck)." He deeply suffered from feeling guilty and decided to radically change the life of his family, abandoning his "shameful" occupation and moving to another place. However "the meek one" was not able to appreciate his spiritual-moral degeneration and accept him from a sense of false moralism and aberration of conscience. The suicide of his beloved wife overwhelmed the man, by design of the writer, and having survived total loneliness, a radical transition towards the highest spiritual values emerged in his consciousness.

Keywords: suicide, pride, abused and offended, rebellion, "emotional wreck", love, moralism, aberration of conscience.

References

1. Dostoevsky, F.M. (1984), From the notebook 1880–1881, in Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii*, in 30 vols., vol. 27, Nauka Publ., Leningrad, pp. 42–87. (In Russian)
2. Dostoevsky, F.M. (1984), The Brothers Karamazov, in Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii*, in 30 vols., vol. 14, Nauka Publ., Leningrad, 512 p. (In Russian)
3. Dostoevsky, F.M. (1982), The Meek One. Fantastic story, in Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii*, in 30 vols., vol. 24, Nauka Publ., Leningrad, pp. 5–35. (In Russian)
4. Shakespeare, W. (2001), *Othello. The Moor of Venice*, transl. by Weinberg, P., Kristal Publ., St. Petersburg, 212 p. (In Russian)
5. Dostoevsky, F.M. (1974), Devils, in Dostoevsky, F.M., *Polnoe sobranie sochinenii*, in 30 vols., vol. 11, Nauka Publ., Leningrad, 416 p. (In Russian)
6. Dostoevsky, F.M. (1982), From the notebook 1876–1877, in Dostoevsky, F.M., *Polnoe sobranie sochinenii*, in 30 vols., vol. 24, Nauka Publ., Leningrad, pp. 187–314. (In Russian)

Received: July 2, 2019

Accepted: December 11, 2019

Authors' information:

Olga S. Soina — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; sabirov-soina@211.ru

Vladimir Sh. Sabirov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; sabirov-soina@211.ru